

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И ИСТОРИИ
Кафедра сравнительной истории литератур
Международный
учебно-научный центр русского языка

При участии

Государственного музея истории
российской литературы имени В.И. Даля

Института мировой литературы
имени А.М. Горького

*К 200-летию со дня рождения
Ивана Сергеевича Тургенева*

ТУРГЕНЕВ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

Материалы
Международной научной конференции

21–22 ноября 2018 г.

Москва 2018

20 ноября 2018 г., 19.00

спектакль «Отцы и сыновья»

Филиал театра В.В. Маяковского

Пушкарёв пер., д. 21

Программа конференции

21 ноября, среда

10.00 Регистрация участников

11.00 Открытие конференции

Зал ученого совета

Приветствия

Александр Борисович Безбородов, *ректор РГГУ*

Венсан Бенет, *директор Центра франко-российских исследований*

Ольга Гартман, *заместитель советника по культуре Посольства Федеративной Республики Германии*

Дмитрий Петрович Бак, *директор ГМИРЛИ им. В.И. Даля, РГГУ*

Ольга Вячеславовна Павленко, *проректор по научной работе РГГУ*

Павел Петрович Шкаренков, *проректор по непрерывному образованию, директор Института филологии и истории РГГУ*

Вера Ивановна Заботкина, *проректор по международному сотрудничеству РГГУ*

Музыкальное приветствие

*Выпускники Московской государственной консерватории
имени П.И. Чайковского*

*Любовь Балашова, лауреат международных конкурсов
Елена Паникова, кандидат искусствоведения*

Выставка из фонда редких книг Научной библиотеки РГГУ

*Людмила Львовна Батова, директор
Научной библиотеки РГГУ*

12.00–14.00 Пленарное заседание

Модераторы: Елена Дмитриевна Гальцова
Маргарита Моисеевна Одесская

Зал ученого совета

Бак Дмитрий Петрович, *директор ГМИРЛИ им. В.И. Даля*
«Жизнь и поэзия Ивана Тургенева»: алгоритмы
культурного поведения 1830-х годов и характерология
русской прозы

Фурманн Конрад, *председатель Тургеневского общества стран
Бенилюкс*
И.С. Тургенев как европейский писатель

Магомедова Дина Махмудовна, *доктор филологических наук,
профессор, РГГУ, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН*
Тургенев и раннее творчество Блока

Доманский Валерий Анатольевич, *доктор филологических
наук, профессор, ЛГУ имени А.С. Пушкина*
Изобразительная интермедальность произведений
И.С. Тургенева

14.00–15.00 Обед

15.00–17.30 Секция 1

Тургенев и русские писатели

Модераторы: Ирина Анатольевна Беляева
Юрий Викторович Доманский

Зал ученого совета

Кибальник Сергей Акимович, *доктор филологических наук, профессор СПбГУ, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН*

Криптографические образы Тургенева в творчестве Достоевского 1860-х годов

Катаев Владимир Борисович, *доктор филологических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова*

Тема страха в произведениях Тургенева, Мопассана и Чехова

Головачева Алла Георгиевна, *кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ГЦТМ им. А.А. Бахрушина*

Три женщины («Месяц в деревне», «Дядя Ваня», «ГеддаГаблер»)

Григорян Гоар Артуровна, *аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова*

Тургенев глазами Чехова: к вопросу о писательской критике

Куденис Вим, *доктор философии, профессор Католического университета, Лёвен, Бельгия*

По стопам Тургенева? Русские писатели в бельгийской эмиграции

Тургенев и Франция

Модераторы: Валерий Анатольевич Доманский
Елена Григорьевна Петраш

Аудитория 273

Кафанова Ольга Бодовна, *доктор филологических наук, профессор, Государственный университет морского и речного флота, Санкт-Петербург*

И.С. Тургенев в кругу французских литераторов: «любимые» и «нелюбимые» авторы

Оссинов Чеанг Сара, *доктор философии, преподаватель, Народный университет кантона Женева, Швейцария*

Тургенев Бориса Зайцева в контексте французских биографий автора «Записок охотника»

Гальцова Елена Дмитриевна, *доктор филологических наук, профессор, РГГУ, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН*

Э.-М. де Вогиюэ об И.С. Тургеневе в контексте борьбы между «космополитизмом» и «национализмом» во Франции на рубеже XIX–XX вв.

Купцова Ольга Николаевна, *кандидат филологических наук, доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник, ГИИ*

Тургенев и Мюссе: русский контекст

Недосейкин Михаил Николаевич, *кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный университет*

И.С. Тургенев и дискурс ученого во французской литературе XIX века (заметки к теме)

Бурмистрова Юлия Дмитриевна, *аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова*

Тургенев во Франции: прижизненное издание «Стихотворений в прозе»

15.00–17.30

Секция 3

Тургенев: музыка, театр, кино

Модераторы: Галина Витальевна Макарова
Ирина Васильевна Морозова

Аудитория 228

Чигарева Евгения Ивановна, *доктор искусствоведения,
профессор, МГК им. П.И. Чайковского*

Тургенев и музыка

Быкова Ольга Сергеевна, *аспирант, МПГУ*

Звук и музыка в повести И.С. Тургенева
«Клара Милич»

Рыбко Иван Анатольевич, *аспирант, РГГУ*

Франко-немецкий музыкальный театр И.С. Тургенева
и У. Шекспира: «Последний колдун»

Отан-Матье Мари-Кристин, *доктор искусствоведения,
Eur'Orbet – Сорбонна – ИЦНИ Франции*

«Месяц в деревне» Тургенева как экспериментальное
поле для системы Станиславского в Художественном
театре (1909)

Сопин Артем Олегович, *кандидат искусствоведения,
ст. преподаватель, РГГУ, сотрудник «Эйзенштейн-центра»*

И.С. Тургенев и советское кино 1970-х годов

Встреча с режиссером

Леонид Ефимович Хейфец

Обсуждение спектакля «Отцы и сыновья»

Зал ученого совета

18.30

Фуршет

22 ноября, четверг

10.00–12.30

Секция 1

Тургенев и Германия

Модераторы: Михаил Николаевич Недосейкин
Конрад Фурман

Зал ученого совета

Беляева Ирина Анатольевна, *доктор филологических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Московский городской педагогический университет*

Роман Тургенева «Накануне»: тема Елены

Королева Вера Владимировна, *кандидат филологических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых*

Гофмановские образы и мотивы в повести
И.С. Тургенева «Песнь торжествующей любви»

Томан Инга Бруновна, *кандидат исторических наук, доцент, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина*

И.С. Тургенев в интерпретации Томаса Манна: поиски
«формулы»

Тихомиров Сергей Владимирович, *кандидат филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет*

Стихотворение в прозе Тургенева «Конец света»
в историко-культурном контексте: от И.В. Гёте
до Ларса фон Триера

Тургенев: Восток и Запад

Модераторы: Вим Куденис

Сергей Акимович Кибальник

Аудитория 526а

Доманский Юрий Викторович, *доктор филологических наук, профессор, РГГУ*

Тургенев как литературный персонаж

Одесская Маргарита Моисеевна, *доктор филологических наук, профессор, РГГУ*

Тургеневское эхо в романе Гамсуна «Новь»

Каменева Евгения Александровна, *аспирант, РГГУ*

Образ тургеневской девушки в китайской литературе

Сай На, *кандидат филологических наук, преподаватель Университета науки и технологий Цзянсу, Китай*

Тахо-Годи Елена Аркадьевна, *доктор филологических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова*

Жанр «стихотворения в прозе» в творчестве Тургенева и Лу Ли

10.00–12.30

Секция 3

Поэтика

Модераторы:

Алла Георгиевна Головачева

Владимир Борисович Катаев

Аудитория 228

Макарова Галина Витальевна, *доктор искусствоведения,
профессор, РГГУ*

Вечные образы в творчестве И.С. Тургенева

Виноградова Екатерина Юрьевна, *кандидат филологических
наук, доцент, РГГУ*

Смерть героя и вина героини: источники сюжета
романа И.С. Тургенева «Накануне»

Тюпа Валерий Игоревич, *доктор филологических наук,
профессор, РГГУ*

Нарративная идентичность персонажей в «Отцах
и детях»

Молнар Ангелика, *доктор философии, доцент, Университет
Дебрецен, Венгрия*

Рассказы в рассказе: поэтическая функция сочинений
в «Первой любви» Тургенева

(доклад в видеозаписи)

12.30–13.30

Обед

13.30–14.30

Презентация новых книг

Зал ученого совета

И.А. Беляева

Творчество И.С. Тургенева:
фаустовские контексты
СПб.: Нестор-История, 2018

Русский охотничий рассказ

Составитель, автор вступительной статьи М.М. Одесская
(2-е изд., переработанное и дополненное)
М.: РГГУ, 2019

В.А. Доманский, О.Б. Кафанская

Художественные миры Ивана Тургенева
М.: Флинта, 2018

14.30–16.30

Секция 1

Тургенев: философия, психология, критика

Модераторы: Сара Осипов Чеанг
Сергей Владимирович Тихомиров

Зал ученого совета

Табачникова Ольга Марковна, *доктор философии, доцент,
Университет Центрального Ланкашира, Великобритания*
Иван Тургенев как герой философских эссе Льва
Шестова

Смирнова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ИМЛИ РАН

Тургеневский индивидуализм в прочтении
Льва Шестова и Михаила Гершензона

Егорова Екатерина Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет

Феномен гипнотического в жизни и творчестве
писателя

Богатыревич Марина Дмитриевна, магистрант,
Силезский университет Катовице, Польша

Влияние николаевской цензуры на творчество
И.С. Тургенева (по воспоминаниям и письмам)

14.30–16.30

Секция 2

Тургенев: Восток и Запад

Модераторы:

Екатерина Юрьевна Виноградова

Инга Бруновна Томан

Аудитория 526а

Борис Людмила Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова

Встреча Запада и Востока в повести И.С. Тургенева
«Песнь торжествующей любви»

Морозова Ирина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, РГГУ

Путешествие с Тургеневым Роберта Дессе: к проблеме
культурной и писательской самоидентификации

Петраш Елена Григорьевна, *кандидат филологических наук, доцент, библиотека имени И.С. Тургенева*

Что думали в России о приглашении
на Международный литературный конгресс
в Париж

Вардошвили Эка, *доктор филологических наук, профессор, Тбилисский университет им. Иванэ Джавахишвили*

И.С. Тургенев в грузинской литературной критике

14.30–16.30

Секция 3

Тургенев
и изобразительное искусство, музеи

Модераторы: Наталья Николаевна Смирнова
Мари-Кристин Отан–Матье

Аудитория 228

Диодоров Борис Аркадьевич, *народный художник России*
Иллюстрации к произведениям И.С. Тургенева

Тугаринов Дмитрий Никитович, *скульптор, народный художник России, академик Российской академии художеств*

Тугаринова София Дмитриевна, *журналист, искусствовед*
«Записки охотника» в работе скульптора: образ
И.С. Тургенева в интерпретации Дмитрия Тугаринова

Богатыревич Виталий Геннадьевич, *кандидат искусствоведения, преподаватель (UJD, ISP), Университет им. Яна Длугоша, Ченстохова, Польша*
Роль иллюстрации в творчестве И.С. Тургенева

Медынцева Генриетта Львовна, *научный сотрудник,*
ГМИРЛИ им. В.И. Даля

От 150-летия к 200-летию: юбилейные тургеневские
выставки в Государственном литературном музее

16.30–17.00 Кофе-пауза

17.00–17.40 Подведение итогов
конференции

Тезисы и аннотации докладов

И.А. Беляева

Москва, Россия

Роман Тургенева «Накануне»: тема Елены

В докладе будет рассмотрена тема Елены как смысловой фокус романа «Накануне», восходящая не столько непосредственно к античности, сколько к ее трансформированным значениям, представленным в «Фаусте» Гете.

В.Г. Богатыревич

Ченстохова, Польша

Роль иллюстрации в творчестве И.С. Тургенева

Тематика доклада касается главным образом иллюстраций к литературным произведениям Ивана Сергеевича Тургенева, выполненных самим писателем. Дополнением к основной теме будут являться иллюстрации русских художников XIX века, связанные с литературным творчеством И.С. Тургенева.

М.Д. Богатыревич
Катовице, Польша

Влияние николаевской цензуры
на творчество И.С. Тургенева
(по воспоминаниям и письмам)

Последние годы правления Николая I приходятся на «эпоху цензурного террора» (1848–1855), которая сопровождалась запретами и влиянием цензоров на творчество многих авторов, в частности, на литературную деятельность И.С. Тургенева. Воспоминания и письма писателя содержат важные сведения о том времени, а также пояснения к произведениям, которые представляют определенную ценность с точки зрения истории литературы.

Л.А. Борис
Москва, Россия

Встреча Запада и Востока
в повести И.С. Тургенева
«Песнь торжествующей любви»

Поздняя, «мистическая» повесть зрелого И.С. Тургенева «Песнь торжествующей любви» касается многих философских вопросов, часто диаметрально противоположно трактующихся в западной и восточной цивилизациях: отношения в дружбе и любви, воздействие живописи и музыки, подчинение общественной норме и своеволие, управление сознанием и подсознанием, трактовка времени как линейного или циклического. Стилизация под средневековую новеллу выводит небольшое произведение на уровень символической притчи, актуальной по сей день.

Ю.Д. Бурмистрова
Москва, Россия

Тургенев во Франции:
прижизненное издание
«Стихотворений в прозе»

Характеризуя свои «Стихотворения в прозе» как «слишком русские для европейского вкуса», И.С. Тургенев тем не менее много способствовал их публикации в европейских странах, правда, с некоторыми ценными замечаниями, о которых и пойдет речь в докладе.

Первая публикация «Сенилий» в Европе вышла на французском языке в журнале «Revue politique et littéraire» одновременно с русским изданием в «Вестнике Европы» – в декабре 1882 года. Несмотря на то что французский цикл имеет сложную историю изучения, оно особенно ценно для всех исследователей творчества Тургенева, так как работу над ним писатель координировал лично: это подтверждается многочисленными правками на полях, анализ которых был выполнен А. Мазоном и Ш. Саломоном. Более того, есть все основания утверждать, что и перевод с русского языка был выполнен самим Тургеневым, вероятно, при помощи П. Виардо. В исследовании проведен сравнительный анализ русского и французского текстов, выявлены те трудности, с которыми сталкивался Тургенев в качестве переводчика своих текстов, а также обозначены некоторые принципиальные различия оригинала и перевода, что, вероятно, обусловлено попыткой писателя адаптировать русский текст для иного, европейского типа читателей.

Звук и музыка
в повести И.С. Тургенева
«Клара Милич»

Повесть «Клара Милич (После смерти)» относится к числу тех произведений И.С. Тургенева, центральной темой которых является «таинственное». Однако есть существенная черта, отличающая данную повесть от других «таинственных повестей». В «Кларе Милич», наряду с «таинственной» составляющей, по словам Л.В. Пумпянского (*Пумпянский Л.В. Классическая традиция. М., 2000*), всегда присутствует «второе» толкование, то есть объяснение сверхъестественных событий не с точки зрения потустороннего влияния, а с точки зрения естественных законов природы. Музыка же в этом случае будет способствовать раскрытию мистического, «таинственного» содержания повести, но не отрицать его. Кроме того, велика будет ее роль и в раскрытии внутреннего мира главных героев, их психологии.

В тексте повести упоминаются два известных русских романа: «Только узнал я тебя...» М.И. Глинки и «Нет, только тот, кто знал свиданья жажду...» П.И. Чайковского.

Текст романа «Только узнал я тебя...» символичен для повести, так как предсказывает события и те душевные изменения, которые произойдут с Аратовым впоследствии.

Роман Чайковского «Нет, только тот, кто знал...», как и роман Глинки, становится «пророческим». Аратова ожидают страдания из-за человека, который его «любил и знал», но теперь находится «далеко».

Кроме конкретных музыкальных произведений на страницах повести упоминаются и другие звуки. Таковы звуки, предвещающие явление Клары Аратову после ее смерти. Интересно то, что понять, были ли это звуки потустороннего мира, или же только слуховые галлюцинации Аратова, невозможно. И если зрительным образом, представляющимся Якову, дается

«второе» толкование, то со слуховыми образами такой аналогии не проводится. Поэтому именно звуковые образы – шумы, голоса, стоны, другие звуки неизвестного происхождения – будут играть главную роль в создании мистической атмосферы финальных сцен повести.

Таким образом, в повести «Клара Милич (После смерти)» доминирующей является мистико-символическая функция музыки. И конкретные музыкальные произведения, и слуховые образы направлены на раскрытие «таинственного» содержания повести, а также на раскрытие смысла любовного конфликта произведения. Существенная роль отводится также и характеристике Клары Милич с помощью музыки: именно исполнение Klarой романсов намекает на «негармоничность» ее натуры.

Э. Вардошвили
Тбилиси, Грузия

И.С. Тургенев в грузинской литературной критике

Грузинское общество всегда проявляло интерес к таким великим русским деятелям литературы, какими являются Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Тургенев и др.

В 1989 г. Илья Чавчавадзе в своей статье «Дело женщин и их образование» говорит о значении русской литературы и отмечает, что она положительно повлияла на грузинскую литературу XIX века.

В декабре 1883 г., в год смерти И. Тургенева, в журнале «Иверия», № 12 печатается грузинский перевод «Стихотворений в прозе» русского писателя, выполненный Ильей Чавчавадзе. В грузинский перевод «Стихотворений в прозе» вошли семь произведений: «Разговор», «Старуха», «Собака», «Нищий», «Услышишь суд глупца...» (Пушкин), «Дурак», «Воробей».

Можно считать, что этими переводами И. Чавчавадзе не только хотел ознакомить грузинское общество с последним творением И. Тургенева, но и отдать должное почтение памяти великого писателя. Указанный перевод изучил и оценил Г. Шарадзе в своей книге «От Петра Великого до Толстого».

В грузинской литературной критике исследователи широко рассматривают творчество И. Тургенева. Особое внимание уделяется его творениям «Записки охотника», «Отцы и дети», «Накануне», «Муму», «Рудин», «Дворянское гнездо». О И. Тургеневе говорят как об изобразителе дворянского либерализма в русской литературе, видном представителе русского художественного реализма; пишут, что ему как реалисту чуждо все неестественное в искусстве; что им создана большая галерея типов.

В научной литературе также отмечается, что зарубежом И. Тургенев сблизился с видными французскими писателями (Г. Флобер, Жорж Санд, Ги де Мопассан и др.) и сыграл большую роль в популяризации русской литературы среди читателей Западной Европы. Именно по инициативе И. Тургенева были переведены на европейские языки творения Пушкина, Гоголя и Льва Толстого. «Тургенев первым дал привыкнуть западноевропейскому обществу к представителям русской литературы...» (С. Данелия).

Творчество И. Тургенева устояло перед испытанием временем. Оно внесло свой вклад в процесс развития мировой литературы.

Смерть героя и вина героини:
источники сюжета романа И.С. Тургенева
«Накануне»

Только в худших образцах советского литературоведения с простодушной легкостью решался вопрос о концовке: смерть Инсарова необходима, так как это последний необходимый аккорд в «становлении личности» Елены; или другой вариант – Тургенев не мог, не умел показать действующего героя. Эти «догадки» варьируют объяснение Писарева по поводу смерти Базарова – Тургенев убивает его, потому что не знает, что с ним делать. Но Инсаров совершенно однозначный герой. Даже смерть не способна оборвать траекторию его пути, и Елена уже с гробом Инсарова продолжает держать курс на Болгарию. Кроме того, если Тургеневу необходимо было убить героя, то почему нельзя было это сделать как-то иначе, а не *при помощи* любящей и преданной женщины? И к чему этот контраст между чахнувшим Инсаровым и физически расцветающей Еленой? В докладе будут рассмотрены возможные литературные аллюзии загадочного разрешения сюжета в «Накануне».

Э.-М. де Вогюэ об И.С. Тургеневе
в контексте борьбы между «космополитизмом»
и «национализмом» во Франции
на рубеже XIX–XX вв.

В 1883 г. французский беллетрист и дипломат, прослуживший несколько лет в России, Эжен-Мельхиор де Вогюэ публикует статью в связи со смертью И.С. Тургенева, а в 1886 г. выходит в свет книга «Русский роман», центральной главной которой была упомянутая статья. Вышедшая в преддверии заключения франко-русского союза, эта книга пробудила у французского читателя интерес к русской литературе, создав своеобразную литературную моду, относившуюся по преимуществу к творчеству Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Выходец из старого французского дворянского рода, почвенник Вогюэ стремится быть выразителем (и возможно, примирителем) двух противоположных идеологических полюсов в современной ему Франции – «национализма» и «космополитизма». Вогюэ разрабатывает в связи с Тургеневым вопрос о «русской душе» и об особой миссии поэта/писателя в России. Тургенев для Вогюэ – выразитель «национального гения»: «Поэт – вождь своей расы, властитель множества смутных мыслей; поэт, в древнем и тотальном смысле этого слова – vates, поэт, пророк <...> Прочитав “Отцов и детей” или “Войну и мир”, мы говорим: “Это всего лишь роман”. Для любого московского лавочника, сына сельского священника... книги Пушкина, Гоголя, Некрасова представляют энциклопедию человеческого духа, этот роман является одной из книг национальной Библии» (Vogüé E.-M. de, *Le Roman russe*. Paris, 1886. С. 145). Будучи патриотом Франции, Вогюэ создает свою теорию «национального гения» в связи с иностранной литературой

(по примеру Ипполита Тэна). Идеальное сочетание двух тенденций Вогюэ видел в творчестве Тургенева: «Тургенев покажет нам, как некоторые могут оставаться русскими, не разрывая с Западом, быть реалистами, но при этом не забывать об искусстве и стремлении к идеалу» (Там же. С. 146). Знаменитый французский писатель-националист Морис Баррес осуждал Вогюэ за «русскую моду». Другой деятель культуры, Анри Бордо, бывший националист, вспоминал о полезном и продуктивном для французской культуры «космополитизме» во втором издании книги «Современные души» (1912), где одна из глав посвящена Вогюэ: «Во имя этой новой тенденции некоторые умы пересекают границы и уезжают в далекие страны в поисках тайн искусства и жизни, в пользу того космополитизма, что стремится создать нечто вроде интеллектуального града, камни для строительства которого представляют собой все нации; и единожды вдохновленные, мы стали изучать иностранные литературы, иностранные искусства, освещающие своим особенным светом нашу литературу и наше искусство: теперь Ибсен, Бьернсон, Ницше, Вагнер, Брамс, Григ и т. д. снискали среди нас почитателей, так же, как Золя, Дюма, Сен-Санс. Господину де Вогюэ принадлежит честь ознакомить нас с творчеством русских романистов, и благодаря этому начинанию подготовить объединение двух народов» (с. 299–300).

А.Г. Головачева

Москва, Россия

Три женщины («Месяц в деревне», «Дядя Ваня», «Гедда Габлер»)

Рассмотрена модель отношений «хищница – простушка», представленная в сюжетах пьес Тургенева, Чехова и Ибсена. Сопоставлены типы поведения героинь – Натальи Петровны, Елены Андреевны и Гедды Габлер – в ситуации любовного соперничества. Определены связи творческого влияния между названными пьесами.

Г.А. Григорян

Москва, Россия

Тургенев глазами Чехова: к вопросу о писательской критике

В докладе рассматриваются особенности писательской критики, которую стоит отличать от критики сугубо профессиональной, освещается деятельность А.П. Чехова как писателя-критика, высказывания и оценки Чехова о творчестве Тургенева.

В «Речи о критике...» В.Г. Белинский разграничивает «собственно литературную критику» и «критику в ее общем значении»¹.

В статье «Проблемы писательской критики» В.Б. Катаев отмечает: «Художник может выступать как критик, не обязательно облекая свои «нравственные мнения» в форму критических статей, трактатов, разборов, высказываний и т. п. Роль критика и свое понимание вопросов литературы он выполняет прежде всего как художник, в собственном творчестве»².

В авторской интерпретации воплощаются творческие взгляды и принципы писателя, порой полемическое отношение к литературным вопросам и произведениям других художников слова. В этом «общем значении» критики мы рассматриваем критическую деятельность Чехова в нашей работе.

Чехов не был профессиональным критиком, но его эпистолярное наследие пестрит многочисленными и при этом невероятно тонкими, доказательными и оригинальными суждениями как о творчестве его современников, мало кому сегодня известных, так и о таких классиках русской литературы, как Гончаров, Горький, Лев Толстой, Тургенев.

Среди маститых литераторов, чьи произведения неизменно привлекали внимание Чехова-критика, с невероятной частотой упоминалось имя великого предшественника – Тургенева.

Чехов, как известно, высоко оценивал роман И.С. Тургенева «Отцы и дети», он был восхищен не только как квалифицированный читатель, но и как врач, в особенности тем, насколько достоверно Тургенев-художник изобразил болезнь героя: «Болезнь Базарова сделана так сильно, что я ослабел, и было такое чувство, как будто я заразился от него»³.

Чехов ценил художественное мастерство Тургенева и поставленные им важные для своего времени вопросы, но при этом зачастую полемизировал со своим предшественником и предлагал иные творческие решения. Тем самым реализуется одна из важных особенностей писательской критики – творческий диалог, результат которого является неоспоримым вкладом в развитие литературы.

Примечания

¹ *Белинский В.Г.* Собрание сочинений: В 9 т. / Под ред. Е.К. Гея, В.И. Кулешова, Ю.В. Манна и др. Т. 5. М.: Художественная литература, 1979. С. 112.

² *Катаев В.Б.* Проблемы писательской критики // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2017. Вып. 6. Т. 76. С. 36.

³ *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Под ред. Н.Ф. Бельчикова, Д.Д. Благого, Г.А. Бялого, Л.Д. Опульской и др. Т. 5. М.: Наука, 1974–1983. С. 174.

Изобразительная интермедиальность произведений И.С. Тургенева

Под интермедиальностью подразумевается перевод произведения с одного языка искусства на другой или объединение различных искусств в мономедийном или мультимедийном тексте. Условием такого синтеза является органическое усвоение одним искусством приемов и способов другого. Русские классики стремились «вернуть в слово музыку», соперничали с изобразительностью живописи, пластикой скульптуры, используя арсенал других искусств (сюжеты, образы, мотивы, эстетические идеи, художественные приемы) для создания эффекта суггестии, конструирования художественной картины мира.

Наблюдение над поэтикой тургеневских текстов позволяет говорить об изобразительной интермедиальности его произведений, которая заключается в том, что писатель, запечатлевая зрительные ощущения, создает иконописные образы, опираясь на ассоциации, контекст, слова-символы, переносное значение слова. Можно выделить три вида сближений произведений писателей и живописцев:

- а) сходство мотивов, переживание общей темы;
- б) наличие общих принципов изобразительности;
- в) сходство в особенностях метода и характеристики видения.

Все эти три вида сближений характерны для изобразительного мастерства Тургенева. Наиболее ярко они проявляются в эстетических ориентациях писателя на художников барбизонской школы (пейзажи) и фламандско-голландскую живопись (описание словесных натюрмортов, интерьеров и бытовых сцен).

Становление Тургенева как искусного художника-пейзажиста произошло уже в пору создания книги «Записки охотника», в которой он демонстрирует свое неповторимое видение

природы в красках, свете, цветах, тонах и оттенках. Но самое главное заключалось в том, что Тургенев впервые в русской литературе начал изображать обыденный реалистический пейзаж, лишенный всякой романтической экзотики. Здесь он пошел по следам барбизонцев, изображавших обычную природу в окрестностях деревушки Барбизон, от которой и получила название их художественная школа.

Связь автора «Записок охотника» с изобразительным мастерством барбизонцев чувствуется в художественных принципах изображения природы в определенные времена суток (предрассветной мглы, утра, вечера, предгрозового или ненастного дня, наступления ночи). Все пейзажи Тургенева связаны между собой картинами природы средней полосы России, жизни героев, их настроениями, авторской мироконцепцией. Так создается эффект присутствия читателя на месте разворачивания сюжетов книги тургеневских рассказов.

Ю.В. Доманский

Москва, Россия

Тургенев как литературный персонаж

Биографический миф, как известно, творится в первую очередь самим художником, который строит свою судьбу и по возможности мифологизирует ее. Но, конечно же, участвует в создании этого мифа и аудитория, что особенно актуально после смерти художника: «...на место значимых для автора моментов и форм самопонимания биограф... готов подставить собственные, принятые в его культуре и чаще всего – вполне трафаретные, анонимные, освоенные им в процессе обучения и через жизненный опыт... нормы интерпретации»¹. Под биографом в данном случае может пониматься и аудитория художника, именно аудитория выступает в роли соавтора биографического мифа, своеобразно интерпретируя и собственно творчество, и высказывания

художника, и сведения о его жизненном пути. И неслучайно в целом ряде работ «предметом исследования становится *биографическая легенда*, создаваемая самим автором (и в какой-то мере его читателями)»².

Биографический миф Тургенева начал формироваться еще при жизни автора и во многом с его подачи – через литературные произведения. Можно сказать, что Тургенев как литературный персонаж появляется под пером уже самого Тургенева: читатель если и не отождествляет биографического автора с рассказчиком «Записок охотника», «Аси», некоторых «Стихотворений в прозе» (например, «Как хороши, как свежи были розы...»), то, как минимум, склонен проецировать характеристики героя-рассказчика на самого Тургенева. Формировался этот миф и потом, в частности, через изображение Тургенева в качестве литературного персонажа у других писателей. Появление Тургенева в этом статусе стало и следствием той части биографического мифа, что уже состоялась, и причиной формирования тех или иных элементов биографического мифа в будущем.

В докладе в ракурсе биографического мифа предполагается рассмотреть Тургенева как персонажа рассказа Рюноске Акутагавы «Вальдшнеп» (1921).

Примечания

¹ *Дубин Б.В.* Биография, репутация, анкета (о формах интеграции опыта в письменной культуре) // Биографический альманах. Вып. 6. М.; СПб., 1995. С. 28.

² *Магомедова Д.М.* Автобиографический миф в творчестве Александра Блока: Дис. в виде научного доклада ... д-ра филол. наук. М., 1998. С. 3.

«Тургенев под гипнозом»:
феномен гипнотического
в жизни и творчестве писателя

В работе исследуется феномен гипнотического в жизни и творчестве И.С. Тургенева на примере повестей «Песнь торжествующей любви», «История лейтенанта Ергунова», «Переписка», «Вешние воды» и др.

Основная задача гипнотической техники состоит в разделении сознания и подсознания и введении в последнее «директивы».

Поразившее Тургенева пение Полины Виардо и словно магические «пассы» ее глаз, послужившие отправной точкой длительной истории отношений, полагаем, побуждали его к интерпретации любви как гипнотического феномена. Подобно тому как Базаров дотошно изучал строение глаза, Тургенев предпринимает попытки исследовать природу любви, сугубо рационалистически осмысливая механизмы ее возникновения.

Третья глава «таинственной» повести «Песнь торжествующей любви» может быть рассмотрена как своего рода энциклопедия гипнотических приемов. Здесь продемонстрировано множество визуальных, аудиальных и кинестетических техник постепенного введения Муцием Валерии и Фабия в состояние транса, обозначенного в повести словом «очарованность».

В квазидетективной повести «Истории лейтенанта Ергунова» наблюдаем действия шайки преступников, использующих гипнотические приемы в целях обогащения. Таким приемом оказывается затрудняющая восприятие манера речи героини по имени Колибри, а также исполняемые ею песни и танцы с постоянной сменой ритма, которые отвечают «маятниковой» гипнотической технике, утомляющей и «выключающей» сознание.

Гипнотическим представляется и вакхический танец героини «Переписки», ошеломляющий героя и тем самым дела-

ющий его подсознание уязвимым для неосознанного введения «директивы».

Как гипнотические возможно рассмотреть и речевые приемы госпожи Полозовой, нацеленные на установление прочного «раппорта» с Саниным.

Однако именно музыкальное под пером Тургенева становится потенциально гипнотическим, что невозможно не срифмовать с событиями его личной истории.

Анализ феномена гипнотического в повестях Тургенева подкрепляется обращением к контексту месмеризма, а также книгам выдающегося психиатра В.М. Бехтерева, например, «Внушение и его роль в общественной жизни» (1908) и «Гипноз, внушение и психотерапия» (1911).

Уместным находим также обращение к фильму Р. Вине «Кабинет доктора Калигари» (1920), в котором осмысливается феномен сомнамбулического и обнаруживаются параллели с повестью «Песнь торжествующей любви».

И.А. Каменева

Москва, Россия

Образ тургеневской девушки в китайской литературе

Начало двадцатого века ознаменовалось для Китая крупными изменениями в политической и общественной жизни. Представители интеллигенции активно призывают к революционным преобразованиям. В 1919 г. в рамках «движения 4 мая» рождается «новая китайская литература», призванная способствовать прогрессивным преобразованиям в обществе, в существенной степени опирающимся на западный опыт.

В это время активно начинают переводиться произведения западных писателей, среди которых лидирующее место занимают русские авторы. Одним из распространителей русской литературы в Китае был инициатор литературных реформ

Лу Синь (1881–1936). В это время выходит его повесть «Дневник сумасшедшего», которая была написана под влиянием творчества Н.В. Гоголя.

Произведения Тургенева начали появляться в Китае уже в 1915 г. В 1920-е гг. Гэн Цзи Чжи перевел «Отцы и дети» и «Записки охотника». Произведения Тургенева сразу полюбили китайским читателям. Они впервые увидели подлинную жизнь России, познакомились с характером русского человека.

Многие китайские писатели в своем творчестве стали опираться на созданные Тургеневым образы. Так, Лу Синь обращается к героическим образам революционеров и сопереживает их трагической судьбе. Юй Дафу (1895–1945) перекликается с Тургеневым в изображении лишнего человека. А Ба Цзинь (1904–2005) перенял у Тургенева манеру повествования и женские образы.

Героиням Ба Цзинь свойственна смелость, самоотверженность и цельность характера, а также высокие нравственные устои и очаровательные манеры тургеневских девушек. Исследователь Ван Лие пишет, что девушки в романах Ба Цзиня отличаются «глубоким, по-восточному нежным изяществом и богатым внутренним миром» и тем самым находят отклик в душе китайского читателя. Особенно яркие образы мы встречаем в романе «Весна» (1938) и в повестях «Туман», «Дождь» и «Молния» (1931–1933).

В.Б. Катаев

Москва, Россия

Тема страха в произведениях Тургенева, Мопассана и Чехова

Своеобразие многих произведений Тургенева во второй половине его творческого пути составляет тема страха – особенно в его так называемых таинственных повестях. Мастерством Тургенева в разработке именно этой темы восхищались

его младший французский современник Мопассан. В произведениях двух писателей тема страха получает сходную разработку. Герой рассказа Чехова «Страх» говорит о своем экзистенциальном страхе, и этим его страх отличается от «страхов-ситуаций» в произведениях предшественников Чехова. Это дает повод для проведения типологических параллелей с идеями датского философа Кьеркегора.

О.Б. Кафанова

Санкт-Петербург, Россия

И.С. Тургенев в кругу французских литераторов: «любимые» и «нелюбимые» авторы

«Любимые» среди французских литераторов хорошо известны. В первую очередь это Г. Флобер, дружба с которым началась с 1863 г. и только укреплялась на протяжении 17 лет. Два писателя сразу обнаружили сходство: оба были кропотливыми наблюдателями живой реальности, тонкими стилистами. Тургенев в 1877 г. создал конгениальный перевод двух повестей из цикла “Trois contes”.

Флобер стал для Тургенева центральной фигурой в мире французской артистической среды, связующим звеном с Ж. Санд, с одной стороны, и молодой генерацией художников (Э. Золя, А. Доде, Ги де Мопассан) – с другой. Тургенев не все принимал в идейных поисках поколения «детей», представитель школы, которая, по его мнению, получила во Франции «не совершенно точное название *реалистической*» (предисловие к переводу «Очерков и рассказов» Леона Кладеля).

Среди французских знаменитостей были и те, которых Тургенев откровенно не любил. Более всего известна антипатия Тургенева к Виктору Гюго. Многочисленные оценки, разбросанные в статьях и особенно корреспонденции, доказывают, что Тургенев воспринимал его как велеречивого и подчас фальшивого поэта отжившей свой век романтической школы¹.

Тургенев не любил и Бальзака, хотя обоснованно считал его главой новой школы. Истоки этого не совсем справедливого отношения, как и в случае с В. Гюго, лежат в 1840-х гг., основываются на мнении В.Г. Белинского и его единомышленников. Позже, в 1868 г., Тургенев объяснил причины своей «нелюбви» отсутствием понимания «жизненной правды».

Наконец, всегда полупрезрительно Тургенев отзывался о двух Александрах Дюма – отце и сыне. Первый был для него автором псевдоисторических романов, второй воспринимался как легковесный создатель «хорошо сделанной пьесы».

Позиция Тургенева по отношению к разным известным французским литераторам проясняет и определяет его собственное *sitio* и понимание миссии писателя.

Примечание

¹ См.: *Алексеев М.П.* Виктор Гюго и его русские знакомства // Алексеев М.П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 460–475; Генералова Н.П. Почему Тургенев не любил Гюго? // И.С. Тургенев и мировая литература: Материалы международной конференции к 200-летию писателя. 17–19 октября 2018 г. М., 2018. С. 27–30.

С.А. Кибальник
Санкт-Петербург, Россия

Криптографические образы Тургенева в творчестве Достоевского 1860-х годов

Сатирический образ Тургенева присутствует не только в «Бесах» (1871–1872), но и во многих произведениях Достоевского 1860-х гг. Однако личные отношения двух писателей в

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ «Проблемы текстологии и поэтики романного творчества Ф.М. Достоевского», № 18-012-90002.

эти годы были сравнительно неплохими, так что, пытаясь осмыслить их, а также личность самого Тургенева в своем творчестве, Достоевский был вынужден прибегать к криптографии. Этот вопрос рассматривается в докладе на примере таких произведений Достоевского, как «Записки из подполья» (1864), «Игрок» (1866) и «Идиот» (1868).

Уже отмечалось, что образ героя «Записок из подполья» Зверкова как «фаворизованного дарами природы человека» обнаруживает близость к характеристикам Тургенева в письмах Достоевского середины 1840-х годов¹. В действительности, вся история кратковременного сближения, а затем охлаждения и разрыва «подпольного парадоксалиста» со Зверковым напоминает историю сближения и разрыва Достоевского с Тургеневым.

Между тем в романе «Идиот» (1868) есть целый эпизод, который представляет собой по отношению к этим страницам «Записок из подполья» (1864) прямую автореминисценцию. Один из героев «Идиота» Ипполит Терентьев хочет помочь оставшемуся без места доктору и обращается к бывшему своему товарищу «по школе» Бахмутову, с которым «в гимназии, в продолжение нескольких лет» он «был в постоянной вражде». Разумеется, есть у этих двух эпизодов и литературные претексты, названные в «Записках из подполья».

Наконец, изобразив в романе «Игрок» любовь русского «генерала» к французенке M-lle Blanche, Достоевский, по-видимому, угадал кое-что существенное, в том числе и в любви Тургенева к Полине Виардо².

В докладе выясняются конкретные обстоятельства, с которыми связан тот или иной криптографический образ Тургенева, и ставится вопрос о природе криптографического письма в творчестве Достоевского.

Примечания

¹ Трофимова Т.Б. «Записки охотника» и «Записки из подполья» (К вопросу творческих взаимоотношений И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского) // Спасский вестник: [альманах] / Отв. ред. В.А. Громов. Орел: [б.и.], 1992. Вып. 20: Спасский вестник: [сб. ст.] / ред.-сост. Е.Н. Левина. Тула: ИПП «Гриф и К», 2012. С. 45.

² См. об этом: Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб., 2013. С. 282–295.

В.В. Королева
Владимир, Россия

Гофмановские образы и мотивы
в повести И.С. Тургенева
«Песнь торжествующей любви»

В докладе рассматривается вопрос влияния Э.Т.А. Гофмана на повесть И.С. Тургенева «Песнь торжествующей любви». Вслед за немецким романтиком Тургенев поднимает проблему насильственного воздействия на человека чужой воли, которая нашла отражение в таких новеллах Гофмана, как «Магнетизер», «Зловещий гость», «Состязание певцов» и «Дух природы». Ситуация, когда пение способно влиять на сознание героев, подчиняя их душу («Песнь торжествующей любви»), восходит к «Состязанию певцов» Гофмана. Тургенев также привносит в свою повесть сходное понимание проблемы искусства, которая поднимается в романе «Эликсиры дьявола» Гофмана и новелле «Состязание певцов».

В. Куденис
Лёвен, Бельгия

По стопам И.С. Тургенева?
Русские писатели в бельгийской эмиграции

Несмотря на то что И.С. Тургенев прожил многие годы за границей и слыл образцом «русского европейца», он не пользовался популярностью в русской эмиграции первой волны. В отличие от А.С. Пушкина, который стал символом культуры русского зарубежья, Тургенев слишком ассоциировался с передовым общественным движением, приведшим к русской революции. В данном докладе на основе проведенного исследе-

дования показано положение русских писателей в Бельгии в период между Первой и Второй мировыми войнами. Особое внимание уделяется отношению эмигрантских писателей к И.С. Тургеневу, а также рассматривается их поведение и понимание того, что значит «быть русским в европейской среде».

О.Н. Купцова

Москва, Россия

Тургенев и Мюссе: русский контекст

Знакомство русской сцены с Альфредом де Мюссе началось с эпизода, важного как для русского, так и французского театра. 15 июня 1837 г. в «Ревю де демонд» была напечатана одноактная комедия Мюссе «Каприз» («Un caprice»). По просьбе А.М. Каратыгиной, обнаружившей ее в журнале, эта «драматическая поговорка» в том же году была переведена, опубликована в журнале «Библиотека для чтения» и сыграна в Александринском театре. В русском переводе А.И. Очкина она получила название «Женский ум лучше всяких дум», под таким названием и вошла в историю русского театра. Характерно, что у этой комедии во французском оригинале нет пословичного/ провербного названия. Оно было придумано переводчиком и повторилось в финальной реплике.

Оригинал на петербургской французской сцене появился только через пять лет в сезон 1842/43 г. В Париже «Каприз» был представлен в «Комедии Франсез» позже, чем в России. В 1847 г. И.С. Тургенев стал зрителем парижского спектакля с участием г-жи Алан.

Именно с этим театральным впечатлением обычно связывают интерес Тургенева к драматическим провербам Мюссе, проявившийся в его собственных пьесах (прежде всего в комедии «Где тонко, там и рвется»).

Однако до сих пор при анализе тургеневских комедий-пословиц не учтен полностью русский контекст – от

ряда пьес-подражаний Мюссе (П.Н. Меншикова, А.М. Жемчужникова) до пародий В.А. Соллогуба, Козьмы Пруткова, драм с пословичными названиями А.Н. Островского (своего рода «анти-Мюссе»). К полемике о драматургии Мюссе при­мыкают споры о светской повести; отдельно надо выделить цикл статей 1850-х гг. о Мюссе и рецензий на «мюссеистов» А.А. Григорьева, завершающийся его известным обзором 1862 г. «Русский театр. Современное состояние драматургии и сцены». Статья была написана в связи с драматургией Тургенева и содержит обобщающий анализ «драматических пословиц и поговорок» из великосветской жизни, заимствовавших свою форму у Мюссе (с указанием шести типологических «физиологических» признаков подобной драматургии).

Г.В. Макарова

Москва, Россия

Вечные образы в творчестве И.С. Тургенева

В своих произведениях И.С. Тургенев часто использовал образы персонажей из произведений европейских классиков. Достаточно вспомнить его повести «Гамлет Щигровского уезда», «Степной король Лир», «Фауст», а также известную речь «Гамлет и Дон-Кихот».

Трактовка образов Гамлета и Дон-Кихота не могла не повлиять, и отчасти повлияла, на подход к воплощению этих персонажей на сцене и на экране много лет спустя после того, как статья была обнародована в 1860 году. По мнению И.С. Тургенева, в каждом человеке присутствуют черты Гамлета и Дон-Кихота, несмотря на то что эти персонажи во многом различаются. Главная черта Дон-Кихота – бескорыстие, он живет для других, не думая о себе. Гамлет же, наоборот,

погружен в себя и стремится к познанию истины в собственных интересах.

На сценах европейских театров появлялись различные Гамлеты и на русской, а в большей степени – немецкой сцене, подобное не лишнее эгоизма поведение становилось в интерпретации шекспировского героя определяющим.

Интересно и достаточно неожиданно в сюжете новеллы «Фауст» присутствует своеобразное отношение к этому герою. В рассказ о встрече автора со своими знакомыми вплетается история молодой женщины, которая при знакомстве с текстом истории о Фаусте полностью погружается в происходящее, изменяется в своем отношении к жизни, что в финале приводит к гибели.

Следовательно, вечные образы позволяют понять не только индивидуальное отношение к классическим персонажам, но и раскрыть новые аспекты в творчестве самого И.С. Тургенева.

Г.Л. Медынцева

Москва

От 150-летия к 200-летию.
Юбилейные выставки Тургенева
в Государственном литературном музее (ГЛМ)

ГЛМ обладает крупнейшей в России и в мире тургеневской коллекцией наряду с собранием Пушкинского Дома. Нынешняя юбилейная выставка Тургенева «Арабески» – уже 10-я по счету за 50 лет. Выставки устраивались не только на собственных площадках музея, но и в других местах в России и за границей (в Баден-Бадене, Париже и Буживале). Музей также принимал участие в совместных межмузейных выставках – в Тургеневской библиотеке и Пушкинском музее. Значительное место принадлежало тургеневским материалам в нескольких

постоянных экспозициях на Петровке и в Аксаковском доме (филиале ГЛМ). Разные грани творчества и личности Тургенева были показаны в различных историко-культурных контекстах во всех внутренних и биографических связях – и обширных (русском и общеевропейском), и локальном (московском). Эти контексты соединились на выставке «Русский скиталец» (2008, особняк Остроухова), выявившей много материалов, ранее не выставлявшихся. Ни одна из выставок Тургенева не повторяла предыдущих, и каждая представляла собой новый шаг в музейном освоении наследия писателя, подчас опережая его филологическое изучение.

Грандиозная экспозиция к 150-летию со дня рождения Тургенева и русская литература (1968, десять залов Нарышкинских палат Высокопетровского монастыря, Петровка, 28), объединившая все крупные музеи и хранилища России, лишней раз подтвердила признанную за Тургеневым еще при жизни роль летописца своей эпохи. Она отражала современный уровень тургеноведения и музейного дела.

Выставка к 175-летию Тургенева «Посол от русской интеллигенции» (1993, два зала Петровки) свела в общую картину различные аспекты русско-европейских связей Тургенева, внешне-биографических и внутрилитературных, затронутые в многочисленных публикациях и статьях русских и зарубежных авторов. Творчество и биография Тургенева впервые показывались глазами писателей, философов и художников XX в., а его эстетика была сблизена с предугаданной им эстетикой «Мира искусства». Также впервые судьба Тургенева рассматривалась как предвестие судеб русской эмиграции, а сам он – как один из создателей русской диаспоры в Париже.

В основу выставки к 190-летнему юбилею Тургенева «Русский скиталец» (2008, шесть залов особняка Остроухова в Трубниках, филиала ГЛМ) положены личные и творческие встречи писателя – и с соотечественниками, и со знаменитыми европейцами, – из которых складывается картина жизни Тургенева, одновременно образующая панораму литературной и общественной жизни России и Европы. Экспозиция отражала двуединую природу писателя – контраст между охотой к перемене мест, страстью к новым жизненным впечатлениям и тягой к родовым корням, устойчивому семейному быту; между обра-

зом жизни русского барина и «вечного странника», «русского европейца».

Выставка к 195-летию Тургенева «Среди людей мне близких и чужих» в Музее Пушкина (2013, ГМП) вернулась к опыту межмузейной экспозиции ГЛМ 1968-го, объединив материалы 18-ти ведущих музеев России. Одновременно она впитала в себя содержание предыдущей выставки «Русский скиталец», основанной на многочисленных встречах писателя.

Настоящая выставка носит итоговый характер. Это своеобразное резюме экспозиционного освоения тургеневской коллекции ГЛМ, открывавшей каждый раз все новые и новые возможности. Выбор темы и название – «Арабески. *Страницы жизни Ивана Тургенева*» (четыре зала Дома Остроухова в Трубниках) – в наибольшей степени соответствует задаче в произвольной последовательности и свободной форме сделать набросок картины жизни Тургенева и осветить образ Тургенева и его взаимоотношения с современниками в непривычных ракурсах. Подобно тому как тургеневские «Стихотворения в прозе» вмещают в свернутом виде все тургеневское творчество, так через серию частных эпизодов раскрывается самое существенное в тургеневской биографии.

Такое экспозиционное решение продиктовано спецификой обширной тургеневской коллекции в ГЛМ, которая состоит по сути дела из арабесок-сюжетов, отражающих основные вехи творческой судьбы Тургенева.

Содержание выставки необычно: она складывается не из привычных, а овестьствованных эпизодов и историй, образованных самими – часто уникальными – материалами, и представляет собой собрание сюжетов в рамках четырех крупных блоков, соответствующих делению на залы: литература, музыка, искусство, театр.

Почти вся экспозиция строится на материалах из собрания ГЛМ. Исключение составляют театральные экспонаты (костюмы Лизы Калитиной и Варвары Павловны, а также реквизит) к опере В. Ребикова «Дворянское гнездо» в постановке Бориса Покровского, любезно предоставленные музею Московским камерным театром им. Б.А. Покровского.

Рассказы в рассказе:
поэтическая функция сочинений
в «Первой любви» Тургенева

В нашем анализе «Первой любви» рассматривается прием «текст в тексте» как способ потенциального смыслопорождения, а также фокусируется внимание на метапоэтических «оглядках» повести. Мы обратимся к поэтическим интертекстам, предполагающим новые аспекты толкования.

По мере того как героиня влюбляется в отца героя повести, разворачивается и развивается поэтическая сторона ее личности. В ходе анализа «сочинений» героини нами рассматривается и отрывок Пушкина о Клеопатре («Египетские ночи») как однозначный претекст «Первой любви», который является примером для подражания героев повести Тургенева. Поклонники Зинаиды, в отличие от нее самой, лишены всякой оригинальности и фантазии. Воображение молодого Владимира Петровича, как и Зинаиды, настроено романтически, однако, в отличие от других поклонников, оно более достойно Зинаиды. Истинная любовь сопоставляется с настоящим словом, только при этом условии может рождаться поэзия. Подросток еще должен дорасти как до отказа от ролей, так и до обретения поэтического языка. Представляя героиню в «пейзаже», субъект воспоминаний вводит в текст основные мотивы описания ее образа. Как эти дискурсивные моменты, так и раскрытие смысла различных интертекстов прослеживаются нами.

Все рассматриваемые эпизоды (сны, фанты, рассказы) служат тому, чтобы ярче осветить поэтичность самой Зинаиды. Поэтичность ее рассказов раскрывается в особой детализации. Герои спорят о достоинствах поэтических идей Зинаиды и о различиях романтизма Байрона и Гюго. При помощи сочинений тематизируются и сами истории: какой герой как

бы поступил в определенной ситуации. Герои же объясняют реальность (любовь) в мире повести на основании этих сочинений или действительных художественных произведений. Ссылки на эти произведения направляют интерпретацию действия под определенным углом зрения, помимо этого оцениваются литературные тексты, критикуются приемы творчества. Возникает вопрос правдивости или вымысла творчества. Дискуссия идет и о темах и сюжетах. Противопоставляются неадекватные и истинно поэтические слова определением их тона в повести Тургенева.

Итак, в повести тематизируется не только тема, заданная в заглавии, но и формы ее произведений, т. е. создается дискурс о самом созидании, творчестве.

И.В. Морозова

Москва, Россия

Путешествие с Тургеневым Роберта Дессе: к проблеме культурной и писательской самоидентификации

Обращение австралийского писателя Роберта Дессе к фигуре И.С. Тургенева обусловлено его давним интересом к русской культуре и литературе: в 1970-е он изучал их в МГУ, затем многократно посещал нашу страну и долгое время работал в архивах библиотек Москвы и Санкт-Петербурга. И.С. Тургенев стал для австралийца своеобразным воплощением славянской души, загадка которой притягивает многих западных интеллектуалов на протяжении столетий.

В докладе предполагается рассмотреть травелог Р. Дессе «Сумерки любви. Путешествия с Тургеневым» (*Twilight of Love: Travels with Turgenev*, 2004. Рус. перевод – 2009),

в смысле жанра во многом ориентирующегося на знаменитое сочинение британца Алена де Боттона «Искусство путешествовать». Смыслом путешествия становится не только и не столько показать места, связанные с Тургеневым, сколько собственная рефлексия на события, связанные с личностью русского писателя, что сообразуется, с одной стороны, с проблемой самоидентификации автора, с другой – с трансформацией жанра травелога в постмодернистском дискурсе, где он сопрягается с жанрами автобиографии, биографии и романа.

М.Н. Недосейкин

Воронеж, Россия

И.С. Тургенев и дискурс ученого
во французской литературе XIX века
(заметки к теме)

В докладе предполагается рассмотреть типологические сходства и различия в разработке образа ученого у И.С. Тургенева и ряда французских писателей XIX в. (А. Доде, П. Бурже и А. Франс). В ходе анализа этой темы уточняется широко известная и во многом изученная литературоведческая проблематика взаимодействия русской и французской литературы (на материале тургеневских произведений «Накануне», «Отцы и дети», «Клара Миллич»).

Тургеневское эхо в романе Гамсуна «Новь»

В докладе рассматривается, как перевод названия романа Гамсуна «*Ny Jord*» (1893) (буквально «Новая земля») на русский язык привел к спекуляциям на тему русскости произведения норвежского писателя и то, насколько оно корреспондирует с романом Тургенева «Новь».

Известно, какое важное значение Тургенев придавал названию своего последнего романа «Новь» (1876). Долгое время роман оставался безымянным, до тех пор пока, наконец, писатель не обнаружил в сельскохозяйственных книгах отца подходящее для названия слово – «новь», обозначающее «непечатую ниву». Название вместе с эпиграфом придало аллегорический смысл всему произведению¹. Последнее произведение Тургенева – итог его двадцатилетних размышлений о молодом поколении России. Вместе с предыдущими романами («Рудин», «Накануне», «Дворянское гнездо»), «Новь» отражает эволюцию отношения писателя к общественно полезной деятельности молодых «романтиков реализма».

В скандинавских странах Тургенев пользовался известностью и авторитетом. Норвежский писатель Кнут Гамсун, хорошо знавший русскую литературу, предпринявший путешествие по России и Кавказу, в своих заметках «В сказочной стране» дает оценку многим русским писателям, в том числе и Тургеневу. Гамсуну не так интересен Тургенев, как Достоевский и Толстой. Герои Тургенева, по его мнению, лишены национального своеобразия, они мыслят и поступают не по-русски, они французы.

Почему же «Новая земля» («Новь») определено как наиболее русский роман Гамсуна (Д.М. Шарыпкин)? Конечно, можно найти типологические черты сходства между двумя романами. Как и Тургенев в своем последнем романе,

Гамсун критически показал молодое поколение, правда, не революционеров, но богемной артистической норвежской молодежи, и противопоставил ей скромных деловых тружеников, предпринимателей, за которыми он тоже видел будущее. В структуру повествования романа Гамсуна вплетены стихотворения в прозе и обличительные речи одного из выразителей точки зрения автора. Оба писателя придавали своим произведениям особо важное значение. Однако такой путь исследования предначертан переводом названия романа норвежского писателя.

Примечание

¹ См.: Громов В.А. «Новь». О заглавии, эпитафии и некоторых реальных источниках романа // Тургеневский сборник. М.: Наука, 1969. Т. V. С. 313–318.

С. Осипов Чеанг
Женева, Швейцария

Тургенев Бориса Зайцева в контексте французских биографий автора «Записок охотника»

С начала XX века до наших дней несколько биографий Ивана Тургенева увидели свет во Франции. Первая из них была издана в 1906 г. парижским профессором Эмилем Омантом (Emile Naumant). Два с лишним десятилетия спустя, т. е. в 1931 г., французский писатель Андре Моруа выпустил краткое жизнеописание автора «Записок охотника». В следующем, 1932 г., русский писатель-эмигрант Борис Зайцев начал публиковать беллетризованное жизнеописание Тургенева, которое целиком и полностью было издано

только в 1949 г. Во второй же половине XX в. французский писатель и академик русского происхождения Генри Труайя также написал биографию знаменитого классика русской литературы. А этот юбилейный 2018 год мы отметим появлением долгожданного перевода зайцевского *Тургенева* с русского на французский язык, который был сделан Анной Кичиловой (Anne Kichilov).

Итак, цель этой презентации – в сопоставлении разных биографических текстов, в ходе которого возникнут следующие вопросы: чем отличаются эти биографии друг от друга и чем дополняют друг друга? Рассмотрение этих разных текстах о жизни Тургенева позволит лучше понять литературную судьбу Тургенева во Франции.

М.-К. Отан-Матье
Париж, Франция

«Месяц в деревне» Тургенева
как экспериментальное поле
для системы Станиславского
в Художественном театре (1909)

Восторженные отзывы на следующий день после постановки «Месяца в деревне» 9 декабря 1909 г. в МХТ свидетельствуют не только об успехе спектакля, ставшего событием в российской театральной жизни. Они также подчеркивают оригинальность драматического произведения Тургенева: его несценичность.

Сначала я остановлюсь на самом понятии «сценичности», которое подверг сомнению Художественный театр в своих постановках Чехова 1898 г., а затем десять лет спустя и Тургенева.

Затем я покажу, что пьеса Тургенева была площадкой для экспериментов, на которой закладывались основы театра внутреннего действия и переживания, театра сосредоточения и эмоционального излияния. Она стала важной вехой на пути

формирования системы Станиславского и ознаменовала поворотный момент в практике репетиций театра.

Но спустя три года представление трех пьес Тургенева в одном спектакле ознаменовало собой время отдыха, своего рода игривый перерыв после колоссальной работы над Гамлетом с Крэггом. На этот раз нет экспериментов. На репетиции отрабатываются основные принципы системы: борьба с клише, стремление к естественности в игре, работа по аналогии, которую комики, как правило, забывают.

Тургенев был важной фигурой в процессе развития театра. Прежде всего потому, что он был первым, кто привнес в русский театр, еще до Чехова, психологические полутона, двойные интриги, подтекст. Затем потому, что для него хороший актер был не просто художником, который хорошо притворялся: ему нужна была связь между природой и искусством. Именно это и искал Станиславский, который воспринял тургеневское «вероучение»: «Нет ничего более привлекательного, чем искусство, которое стало природой».

И. А. Рыбко
Москва, Россия

Франко-немецкий музыкальный театр
И. С. Тургенева и У. Шекспира:
«Последний колдун»

Когда речь заходит о шекспировском Тургеневе, пожалуй, в первую очередь вспоминают о статье Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», рассказе «Гамлет Щигровского уезда», повести «Степной король Лир»; затем, наверное, соотносят героев тургеневских романов с персонажами больших трагедий Шекспира; наконец обращаются ко множеству тургеневских упоминаний о Шекспире, разбросанных по статьям и письмам; завершают же рассказ, конечно, яркой эпиграммой Тургенева на Н. Х. Кетчера, одного из ранних переводчиков Шекспира на русский язык, о «родных осинах». О «Последнем колдуне»

Тургенева, как правило, не упоминают (Ю.Д. Левин не упоминает это сочинение в фундаментальной монографии «Шекспир и русская литература XIX в.»).

Отчасти это может быть объяснено отсутствием совсем неоспоримых отсылок к шекспировским произведениям в тексте «Последнего колдуна» (например, Левин во многом ориентировался на те произведения русской литературы, связь которых с работами Шекспира является очевидной), отчасти тем, что драматургия Тургенева традиционно привлекает к себе не так много внимания. Вместе с тем «Последний колдун» – сочинение с безусловным шекспировским подтекстом (на связь с пьесами Шекспира указывал, например, А.А. Гозенпуд), заслуживающее куда большего интереса.

Оперетта «Последний колдун», произведение с запутаннейшей текстологией, в XIX в. известное на французском и немецком языках, возможно, – самый яркий пример творческого сотрудничества Тургенева и П. Виардо и знаменательный факт культурной жизни XIX в., лежащий на пересечении дорог, соединяющих русскую культуру с культурой западноевропейской, биографию Тургенева с биографией Виардо, а их творчество, совместное и нет, с литературой и музыкой XIX в. и все это как с работами, так и с биографией Шекспира, приведенными к тому моменту в соответствие с романтическим идеалом. Оперетта, ставящая вопросы, интересные с точки зрения различных теорий, культурный трансфер, теория автора – некоторые из них, находится в центре настоящего исследования. Проследить, как словесное отражается в музыкальном, русская культура в западноевропейской, биография в литературе и, главное, Шекспир в них, – такова основная задача доклада.

Н. Сай

Цзянсу, Китай

Е.А. Тахо-Годи

Москва, Россия

Жанр «стихотворения в прозе» в творчестве Тургенева и Лу Ли

Популярность «Стихотворений в прозе» Тургенева насчитывает уже более 130 лет, при этом они остаются самыми первыми произведениями писателя, переведенными на китайский язык. Причины, по которым «Стихотворения в прозе» получили признание в Китае, определяются историческими и социальными факторами. «Стихотворения в прозе» отвечали эстетическим критериям традиционной китайской литературы, но в то же время помогли китайским авторам XX столетия встать на путь новаторства, реформировать старую китайскую литературу. Среди тех, кто внес вклад в этот процесс, был и Лу Ли (1908–1942, настоящее имя Лу Шэнцюань) – родоначальник современной китайской поэзии в прозе, переводчик, чье имя совсем незнакомо русским читателям.

За свою недолгую жизнь Лу Ли выпустил три сборника стихотворений в прозе. Сборник «Морская звезда» опубликован в августе 1936 г., «Бамбуковый меч» вышел в марте 1938 г., третий – «Записки о пойманной зелени» – в августе 1940 г. К настоящему времени стихотворения в прозе Лу Ли признаны классическими лирическими произведениями этого жанра в Китае.

Анализ текстов Лу Ли показывает, что на него оказали влияние произведения Тургенева, в том числе тургеневские «Стихотворения в прозе». Общность мотивов (одинокства, природы, простых людей, революции, добра и зла, жизни и смерти, любви и др.), лирической манеры (атмосфера грусти) и художественных приемов (автобиографичность, метафора, повтор, символ, фантастика, одушевление) в стихотворениях в прозе Лу Ли и в «Стихотворениях в прозе» Тургенева сви-

детельствует об определенном влиянии русского классика на творчество китайского писателя первой половины XX в.

Интерес к творчеству Тургенева был характерен для Лу Ли и как переводчика. Им были переведены романы Тургенева: в 1936 г. вышел перевод «Рудина», сделанный с использованием английского и японского изданий, а в 1940 г. – перевод романа «Дым», также базирующийся на английских и французских изданиях текста. Все это позволяет говорить о сознательном следовании китайским автором тургеневской традиции.

Н.Н. Смирнова

Москва, Россия

Тургеневский индивидуализм в прочтении Льва Шестова и Михаила Гершензона

В докладе пойдет речь о перечитывании тургеневского индивидуализма как отправной точке в собирании экзистенциальных мотивов тургеневского творчества на новом фундаменте – в мысли Льва Шестова и Михаила Гершензона. Традиция, идущая через Шестова, даже буквально оборванная на полуслове (незавершенная книга о Тургеневе, 1903, текст которой частично вошел в «Апофеоз беспочвенности», 1905), символически объединяет феноменологическую и экзистенциальную мысль. *Лицо* (и *личное*) – образ, возникающий в шестовских размышлениях о тургеневских характерах – становится образом, например, для будущей экзистенциальной феноменологии Э. Левинаса («идущее от меня к другому», также как и предстояние *лица* мне). Мысль Гершензона, даже доведенная до логического завершения («Мечта и мысль Тургенева», 1919, вышла на книжный рынок только в 1922 г.), в том числе и в силу неизбежных исторических причин, обры-

вается на полуслове интуиции *личного* в восприятии логики мысли Тургенева как движения «внутри... одинокой замкнутой личности». Шестов и Гершензон заново прочитывают видение европейского индивидуализма у Тургенева, подспудным влиянием подготавливая будущую экзистенциально-феноменологическую интуицию *лица*.

А.О. Сопин
Москва, Россия

И.С. Тургенев и советское кино 1970-х годов

В советском кино 1970-х годов (а если точнее – в период с конца 1960-х и до начала 1980-х) заметно возросло количество экранизаций произведений И.С. Тургенева, и в докладе предполагается рассмотреть как возможные причины этого явления, так и сложившийся спектр экранизаций этих лет.

Интерес к произведениям И.С. Тургенева в значительной степени объяснялся не столько их фабульными особенностями, сколько возможностью реализации тенденций 1970-х годов к рефлексии в отношении культурной традиции – с одной стороны, а также к исследованию вневременных особенностей человеческой психологии личной жизни – с другой.

Своеобразным «прологом» к тургеневским экранизациям 1970-х годов стали «Первая любовь» (1968) Василия Ордынского и «Дворянское гнездо» (1969) Андрея Михалкова-Кончаловского. В них были выделены основные мотивы, интересующие кинематографистов 1970-х годов, которые впоследствии уточнялись и по-разному воплощались в фильмах Валерия Рубинчика («Гамлет Щигровского уезда», 1975), Иосифа Хейфица («Ася», 1977) и других, вплоть до вышедшей в начале следующего десятилетия, но как бы суммирующей итоги данного периода очередной экранизации «Отцов и детей» (1983).

О.М. Табачникова
Престон, Великобритания

Иван Тургенев как герой философских эссе Льва Шестова

Российско-еврейский философ и религиозный мыслитель Лев Шестов (1866–1938) является одной из самых знаковых фигур Серебряного века. Шестов выстроил свою собственную оригинальную философию и, по сути, насытил ею литературную критику. Как предтеча, в частности, психоаналитического направления в литературоведении, он интересовался прежде всего экзистенциальным опытом изучаемого писателя, рассматривая его произведения прежде всего как прямое свидетельство этого опыта. Именно в этом ключе он исследовал творчество многих классиков русской литературы, включая и Ивана Сергеевича Тургенева.

В случае Тургенева, Шестов оставил нам такой портрет писателя, который более всего напоминает автопортрет самого Шестова. Однако сам философ этого сходства не заметил. Но, как мы увидим, и Шестов, и Тургенев в конечном итоге страдали от двойственности, разрываясь между западным рационализмом и глубоко укоренившимся идеализмом, с одной стороны, и русской «дикой и суеверной душой» с ее поиском чудес и мукой вечных вопросов существования, с другой. В то же время, возможно, в силу своих общих евразийских корней, они были по природе своей одновременно как романтиками и идеалистами, так и скептиками и нигилистами – неразделимой смесью Гамлета и Дон Кихота (с той только разницей, что Шестов боролся со своим идеализмом, а Тургенев, наоборот, за него держался).

С другой стороны, как будет показано, не признав свою близость к Тургеневу, Шестов сумел блестяще разоблачить опасности европейского рационализма и утилитарные истоки его идеализма, мелочную природу любой мелкобуржуазной философии с ее утешительной ложью и обывательскими ценностями, словно предвосхищая лицемерный и приземленный

склад ума, который использовал идеализм в циничных целях и который в недалеком будущем пустил глубокие корни. Другими словами, используя Тургенева, с его – в глазах Шестова – европейско-русской, то есть рационально-иррациональной, двойственностью как отправную точку своей собственной борьбы, Шестов провел фронтальную атаку на утилитаризм во всех его формах, встав на защиту страсти и духовной свободы. И эта шестовская борьба оказывается на поверку намного ближе к искусству, чем к спекулятивной философии.

С.В. Тихомиров

Москва, Россия

Стихотворение в прозе Тургенева
«Конец света» в историко-культурном контексте:
от И.В. Гете до Ларса фон Триера

Стихотворение в прозе Тургенева «Конец света» («Кс») неправильно было бы считать проходным, или случайным, или периферийным в творчестве писателя.

Совершенно очевидно его взаимодействие с ранним очерком Тургенева «Бежин луг» и с «таинственной» повестью «Рассказ отца Алексея». Так, например, восклицание ребенка в «Кс»: «Тянька, боюсь» – однозначно отсылает к балладе Гете «Лесной царь», на свой лад отразившейся и в «Бежином луге» (смерть мальчика Васи, утонувшего в реке – попавшего в царство «водного царя», Водяного, и «зовущего» оттуда другого мальчика, Павлушу, также погибающего, несмотря на свое рационально-реалистическое отношение ко всему «мистическому»), и в «Рассказе отца Алексея» (то же, что и у Гете, соотношение сына, вовлекаемого в мир Запредельного «лесным человечком», и отца, настойчиво пытающегося отвлечь сына от этих «демонических» искушений). Тот же мальчик в «Кс», первым реагирующий на угрозу, исходящую от водной стихии, готовый уничтожить все существующее, поразитель-

но точно предсказывает образ ребенка в символистской драме Метерлинка «Слепые», кричащего в предощущении того Неведомого, которое с неизбежностью должно обрушиться на мир людей, потерявших контакт с божественным измерением бытия, и – возможно, под прямым влиянием Метерлинка возникший – образ ребенка в стихотворении Блока «Девушка пела в церковном хоре...», своим страшным криком («никто не придет назад») ставящего под сомнение традиционную веру в благостно заботящегося обо всем человечестве христианского Бога.

Также поразительные соответствия с «Кс» обнаруживаются в стихотворении Бродского «Пейзаж с наводнением» (где, как и у Тургенева, Конец света явлен в образе тотально поглощающей человеческий мир водной стихии и где также присутствует образ ребенка) и фильме Ларса фон Триера «Меланхолия» (где мировая катастрофа, очевидцем и жертвой которой среди прочих оказывается опять-таки ребенок, не оставляет, как и у Тургенева, даже слабой надежды на ее преодоление). Оба произведения сближает с «Кс» и то обстоятельство, что во всех трех случаях изображение Конца света допускает его толкование не как «объективного» факта, вызывающего ассоциации с «апокалипсисами» мировых религий, а как субъективной фантазии одержимого страхом старения и смерти или пребывающего в глубокой депрессии авторского «я», как своего рода его «индивидуального апокалипсиса».

И.С. Тургенев в интерпретации Томаса Манна: поиски «формулы»

Томас Манн знал и любил русскую литературу и порой обращался к ней в поисках особенностей национального характера и исторической судьбы немцев. Это заметно в книге «Наблюдения аполитичного», написанной в годы Первой мировой войны.

По его мнению, главное в немцах – аполитичность; этим они принципиально отличаются от французов. Первая мировая война, считал он, вызвана не столкновением государственных и экономических интересов, а многовековой борьбой культуры, духовности и внутренней свободы (Германия) с цивилизацией, политикой и универсализмом (западный романский мир). Для обоснования этой идеи он обращается к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского.

И.С. Тургенев привлек Т. Манна своей независимой позицией свободного художника, стоящего вне политики, «над схваткой», несмотря на непримиримую идейную борьбу в российском обществе второй половины XIX в. В «Наблюдениях аполитичного» он обращается к трем его произведениям – «Отцам и детям», «Дворянскому гнезду» и «Нови».

«Вот формула!» – восклицает Т. Манн и цитирует Базарова: «Вы хотите себя бранить, а мы других бранить и ломать». Данное противопоставление, с его точки зрения, отражает позиции, воплощаемые, с одной стороны, в персональной этике, долге и христианстве; с другой – в социальной филантропии, якобинстве и социализме. Т. Манн не обратил внимания на слабость и склонность к самолюбванию Аркадия и подобных ему людей. Зато нашел «формулу», отвечающую его идеям и логически подводящую к «Дворянскому гнезду». По мнению

Т. Манна, фраза «вы хотите себя бранить, а мы других бранить и ломать» является самохарактеристикой И.С. Тургенева, относившегося к тем, кто себя бранит. Отсюда вывод: западник Паршин – самопародия западника Тургенева. Судьба Нежданова, говорит Т. Манн, показывает пагубность занятий политикой для «человека искусства» и не упоминает его фатальную слабость, ибо ищет «формулы» для объяснения современности.

Культура не должна служить политике – такова одна из центральных идей книги Т. Манна. Против этого, считал он, и выступал И.С. Тургенев.

Однако не посредством «формул». Его произведение – о бесконечной сложности бытия, необъяснимого с точки зрения «здорового смысла». Впрочем, и сейчас литературу, подобно истории, считают порой «наставницей жизни». Однако задавая произведению конкретные вопросы, мы навязываем им то, чего в них нет, не обращая внимания на то, что есть, и получаем предсказуемые и желанные ответы.

Литература

1. *Hofman A.* Thomas Mann und Turgenev // Turgenev und Deutschland. Potsdam, 1962.
2. *Mann Th.* Betrachtungen eines Unpolitischen. Frankfurt am Main, 1983.
3. *Томан И.Б.* И.С. Тургенев и немецкая культура // Тургеневский сборник. Вып. 1. М., 1998. С. 31–70.
4. *Томан И.Б.* И.С. Тургенев в контексте истории немецкого самосознания // Тургеневский сборник. Вып. 2. М., 2004. С. 67–76.

Д.Н. Тугаринов
С.Д. Тугаринова
Москва, Россия

«Записки охотника» в работе скульптора:
образ И.С. Тургенева в интерпретации
Дмитрия Тугаринова

Скульптор Дмитрий Тугаринов работает над образом Ивана Тургенева уже более десяти лет. В числе некоторых композиций – «Записки охотника», «Тургенев в Париже» и другие. В докладе будут подробно рассмотрены и проанализированы пластические решения и подходы, использованные скульптором для создания образа писателя. Так, в частности, мастер по-разному интерпретирует тему человека и животного в композициях, посвященных Тургеневу. Отдельно будет затронут вопрос о том, нужен ли Москве памятник Тургеневу и что он должен из себя представлять.

К. Фурманн
Брюссель, Бельгия

И.С. Тургенев как русский европеец

1. Атмосфера «европейского гнезда» Тургенева и Виардо в Баден-Бадене.

2. Умом Европу не понять: что такое Европа? Что такое европеец? Европа не географическое, но культурное понятие. А русский – прилагательное, которое относится к существительному «европеец».

3. Тургенев был русским европейцем в жизни, в творчестве, в деятельности и в воздействии:

а) *в жизни*: нырнув «в немецкое море», он прожил почти всю жизнь за рубежом, но всегда оставался коренным русским;

- b) *в творчестве*: оно изобилует русскими разновидностями европейских героев: Гамлетами и Дон-Кихотами, Фаустами и Лирами;
- c) *в деятельности*: Тургенев был первым пропагандистом русской литературы на Западе и «западной» в России;
- d) *в воздействии*: Тургенев был первым русским писателем, который приобрел всеобщую известность и славу не только в Европе, но в Америке именно как *русский* писатель (что многие русские современники за ним не признавали).

4. «Сократ из Баденского уезда» – мудрость европейского политического учения Тургенева в наше посттоталитарное время: его либерализм и цивилизованность как лекарство против различного рода экстремизма.

5. Призыв к филологам: поддерживайте концепцию европейской литературы, как это понимал Тургенев, вместо национальных литератур, которые все еще царствуют в наших школах и на факультетах!

Е.И. Чигарева
Москва, Россия

Тургенев и музыка

Тема «Тургенев и музыка» чрезвычайно многообразна: это может быть «музыка в жизни Тургенева», «музыка в произведениях Тургенева», «музыкальные сочинения, написанные на основе конкретных тургеневских произведений», «музыкальность тургеневского слова (проза, стихи, стихотворения в прозе)». В статье затронуты некоторые из перечисленных аспектов. Сюжетная связь музыкальных произведений с тургеневской прозой представлена на двух примерах. Под воздействием повести Тургенева «Песнь торжествующей любви» была создана поэма Э. Шоссона, которую композитор первоначально так и хотел назвать, как повесть Тургенева, но потом оставил нейтральное жанровое обозначение (типичное для ро-

мантизма) – поэма. Близок к этому типу и романс Чайковского «Страшная минута», посвященный актрисе Е. Кадминой, покончившей собой во время спектакля (повесть Тургенева «После смерти (Клара Милич)»).

Особенности тургеневского слова – его поэтичность и музыкальность – интересно рассмотреть на примере «гибридного жанра» – стихотворения в прозе. В качестве примера выбрано хрестоматийно известное «Как хороши, как свежи были розы» (1879). Особенности жанра высвечиваются при сравнении поэтического источника произведения Тургенева – стихотворения Ивана Мятлева «Розы» (1843) и далее возникшего как отклик на оба произведения стихотворения Игоря Северянина «Классические розы» (1925).

Музыкальность тургеневской прозы проявляется в лирических эпизодах романов и повестей. Но особенно интересно, когда слово Тургенева становится музыкальным в тех случаях, где речь идет о музыке: прямое проявление единства слова и музыки. Пример – сцена в саду из романа Тургенева «Дворянское гнездо»: объяснение Лаврецкого и Лизы и далее – вдохновенная импровизация Лемма (отражение чувств героев).

Содержание

<i>Программа конференции</i>	5
<i>Тезисы и аннотации докладов</i>	17
<i>И.А. Беляева</i> Роман Тургенева «Накануне»: тема Елены	17
<i>В.Г. Богатыревич</i> Роль иллюстрации в творчестве И.С. Тургенева ...	17
<i>М.Д. Богатыревич</i> Влияние николаевской цензуры на творчество И.С. Тургенева (по воспоминаниям и письмам) ...	18
<i>Л.А. Борис</i> Встреча Запада и Востока в повести И.С. Тургенева «Песнь торжествующей любви» ...	18
<i>Ю.Д. Бурмистрова</i> Тургенев во Франции: прижизненное издание «Стихотворений в прозе»	19
<i>О.С. Быкова</i> Звук и музыка в повести И.С. Тургенева «Клара Милич»	20
<i>Э. Вардошвили</i> И.С. Тургенев в грузинской литературной критике	21

<i>Е.Ю. Виноградова</i>	
Смерть героя и вина героини: источники сюжета романа И.С. Тургенева «Накануне»	23
<i>Е.Д. Гальцова</i>	
Э.-М. де Вогиюэ об И.С. Тургеневе в контексте борьбы между «космополитизмом» и «национализмом» во Франции на рубеже XIX–XX вв.	24
<i>А.Г. Головачева</i>	
Три женщины («Месяц в деревне», «Дядя Ваня», «Гедда Габлер»)	26
<i>Г.А. Григорян</i>	
Тургенев глазами Чехова: к вопросу о писательской критике.	26
<i>В.А. Доманский</i>	
Изобразительная интермедальность произведений И.С. Тургенева	28
<i>Ю.В. Доманский</i>	
Тургенев как литературный персонаж	29
<i>Е.В. Егорова</i>	
«Тургенев под гипнозом»: феномен гипнотического в жизни и творчестве писателя	31
<i>И.А. Каменева</i>	
Образ тургеневской девушки в китайской литературе	32
<i>В.Б. Катаев</i>	
Тема страха в произведениях Тургенева, Мопассана и Чехова	33

<i>О.Б. Кафанова</i>		
	И.С. Тургенев в кругу французских литераторов: «любимые» и «нелюбимые» авторы	34
<i>С.А. Кибальник</i>		
	Криптографические образы Тургенева в творчестве Достоевского 1860-х годов	35
<i>В.В. Королева</i>		
	Гофмановские образы и мотивы в повести И.С. Тургенева «Песнь торжествующей любви»	37
<i>В. Куденис</i>		
	По стопам И.С. Тургенева? Русские писатели в бельгийской эмиграции	37
<i>О.Н. Купцова</i>		
	Тургенев и Мюссе: русский контекст	38
<i>Г.В. Макарова</i>		
	Вечные образы в творчестве И.С. Тургенева	39
<i>Г.Л. Медынцева</i>		
	От 150-летия к 200-летию. Юбилейные выставки Тургенева в Государственном литературном музее (ГЛИМ)	40
<i>А. Молнар</i>		
	Рассказы в рассказе: поэтическая функция сочинений в «Первой любви» Тургенева	43
<i>И.В. Морозова</i>		
	Путешествие с Тургеневым Роберта Дессе: к проблеме культурной и писательской самоидентификации	44
<i>М.Н. Недосейкин</i>		
	И.С. Тургенев и дискурс ученого во французской литературе XIX века (заметки к теме)	45

<i>М.М. Одесская</i>	Тургеневское эхо в романе Гамсуна «Новь».....	46
<i>С. Осипов Чеанг</i>	Тургенев Бориса Зайцева в контексте французских биографий автора «Записок охотника».....	47
<i>М.-К. Отан-Матье</i>	«Месяц в деревне» Тургенева как экспериментальное поле для системы Станиславского в Художественном театре (1909)...	48
<i>И.А. Рыбко</i>	Франко-немецкий музыкальный театр И.С. Тургенева и У. Шекспира: «Последний колдун»	49
<i>Н. Сай, Е.А. Тахо-Годи</i>	Жанр «стихотворения в прозе» в творчестве Тургенева и Лу Ли	51
<i>Н.Н. Смирнова</i>	Тургеневский индивидуализм в прочтении Льва Шестова и Михаила Гершензона	52
<i>А.О. Сопин</i>	И.С. Тургенев и советское кино 1970-х годов	53
<i>О.М. Табачникова</i>	Иван Тургенев как герой философских эссе Льва Шестова	54
<i>С.В. Тихомиров</i>	Стихотворение в прозе Тургенева «Конец света» в историко-культурном контексте: от И.В. Гете до Ларса фон Триера	55
<i>И.Б. Томан</i>	И.С. Тургенев в интерпретации Томаса Манна: поиски «формулы»	57

<i>Д.Н. Тугаринов, С.Д. Тугаринова</i> «Записки охотника» в работе скульптора: образ И.С. Тургенева в интерпретации Дмитрия Тугаринова	59
<i>К. Фурманн</i> И.С. Тургенев как русский европеец	59
<i>Е.И. Чигарева</i> Тургенев и музыка	60

Научное издание

Тургенев
в межкультурной
коммуникации

Материалы
Международной научной конференции

Подписано в печать 14.11.2018.
Формат 60×84¹/₁₆
Усл. печ. л. 3,9. Уч.-изд. л. 4,1.
Тираж 80 экз. Заказ № 308

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru